

Лавоччик.

У меня хранится в лавке
Все, что нужно для людей:
Есть картофель, есть булавки,
Есть и книжки для детей...
Надувалой и пивякой
Пусть зовет меня народ,
Я как царь царю над лавкой...
Вот!

По свидетельству вдовы поэта, сохраненному П. Лукницким, Гумилев мало дорожил этой пьесой. В отличие от сказки «Дитя Аллаха» она не имеет поэтической ценности и интересна как выражение и подтверждение той тенденции развития поэтики Гумилева, которую мы отметили в начале статьи в качестве достоинства его драматургического наследства: освоения разных пластов и форм мировой культуры. В плане биографическом сказка «Дерево превращений» интересна еще и как факт активного участия Гумилева в культурном движении первых послереволюционных лет: первый или один из первых детских театров в стране был открыт именно его пьесой, хотя сборники «Игра», например, предлагали для этой цели довольно широкий выбор.

1. *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина // *А. А. Ахматова. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 2.* 2. *Гумилев Н.* Охота на носорога // *Рус. лит. 1987. № 2. С. 160—163.* 3. *Гумилев Н.* Дитя Аллаха // *Аполлон. 1917. № 6—7. С. 17—57.* 4. *Гумилев Н.* Дерево превращений // *Лит. обозрение. 1989. № 6. С. 91—95.* 5. *Игра.* Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Пг., 1918. № 1. 6. *Кессель Л. М.* Гете и Западно-восточный Диван. М., 1973. 7. Лишь для тебя на земле я живу. Из переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер / Публ. Н. А. Богомолова // *В мире книг. 1987. № 4.* 8. *Дерево превращений* // *Жизнь искусства.* Ежедневная газета Петроградского ТЕО Наркомпроса. 1919. 8 февр. (№ 74). 9. *Морозов П. О.* Отзыв о пьесе Н. Гумилева «Дерево превращений» // *ОР ОРЛИ, ф. 474, К. А. Сюннерберга (Эрберга), № 435.* 10. *Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика* // *Изв. АН СССР. М., 1987. Т. 46. № 1.* 11. *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. 12. *Тименчик Роман.* Николай Гумилев и Восток // *Памир. 1987. № 3.*

Статья поступила в редколлегию 03.02.89

Н. В. К а з а ч у к, асп.,
Донецкий университет

Из наблюдений над жанровыми особенностями стихотворного фельетона Саши Черного

В современном литературоведении и в сознании читателей имя Саши Черного (псевдоним А. М. Гликберга, 1880—1932) соотносится с категорией писателей «второго ряда». В самом деле, в сравнении с Маяковским, Есениным, Д. Бедным он выглядит скромнее. И дело здесь не только в поэтическом таланте или в количестве написанного, но и в его особой судьбе.

Саша Черный, не приняв революцию, в 1920 г. эмигрирует, и талант его, лишенный почвы, угасает. Яркий сатирик 1905—1906 гг., разоблачитель самодержавия и буржуазной интеллигенции, в последние годы жизни он предстает как автор детских стихотворений. Вероятно, здесь — основа той недооценки общественного значения его творчества, которую находим в высказываниях некоторых исследователей. «Абстрактно-гуманистические идеалы Саши Черного всегда были далеки от конкретных задач освободительного движения» [4, с. 45], — пишет Л. Евстигнеева. «Примером... негрозного смеха, который никого не убивал, ни до чего не добирался, и была сатира Саши Черного» [12, т. 1, с. 243], — считает В. Перцов. Думается, более объективно оценивает творчество Саши Черного К. Чуковский, рассматривая его в конкретной соотнесенности со временем. «В 1905 году, — пишет К. Чуковский, — когда он в боевых оппозиционных листках и журналах обличал ненавистный народу царизм, он чувствовал себя выразителем дум и стремлений бесчисленного множества своих современников» [15, с. 20].

Характеристике творчества Саши Черного посвящены несколько работ [3; 4; 7; 11, 15, 16], исследующих главным образом творческий путь писателя, социальную значимость его сатиры. Меньше внимания уделено жанровой природе его творчества, в частности жанровой сущности стихотворных фельетонов. Трудность решения этого вопроса заключается в том, что в нашем литературоведении нет четкой договоренности о том, что следует включать в понятие «стихотворный фельетон». Если в исследовании фельетона как типа литературного произведения уже намечилась некоторая определенность, то о его стихотворной разновидности единого мнения не существует. А между тем она имеет свою историю. В русской литературе ее родословная четко прослеживается в творчестве Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова и поэтов-«искровцев» — Д. Д. Минаева и В. С. Курочкина. Широкое распространение стихотворный фельетон получил в годы первой русской революции, зазвучав в многочисленных сатирических изданиях («Зритель», «Молот», «Пулемет», «Сигнал», «Жупел» и др.), в том числе в творчестве украинского писателя В. Самийленко. Позднее эта разновидность нашла продолжение и развитие в стихах В. В. Маяковского, Демьяна Бедного и других советских поэтов. Но является ли стихотворный фельетон особым литературным жанром или только разновидностью более общего понятия «фельетон»? Каковы жанровые черты данного типа произведения? Лишь обозначив исходные позиции в решении этих вопросов, можно выяснить жанровые черты стихотворных сатирических произведений Саши Черного.

Нет единства и в их терминологическом определении. Так, в исследовании К. Чуковского и Л. Евстигнеевой преобладают общие наименования («стихотворения», иногда — «сатирические стихотворения», «сатиры» или «политические шаржи») [4, с. 63].

Думается, правы те, кто рассматривает стихотворный фельетон как жанровую разновидность фельетона. В работах Е. И. Журбиной [6], Л. Е. Кройчик [8], С. В. Курляндской [9], Э. В. Блиновой [1] намечены черты, свойственные всем фельетонам — как стихотворным, так и прозаическим. В целом они сводятся к следующему: 1) художественно-публицистическая природа; 2) документальность, опора на факт; 3) сатирическая или юмористическая окрашенность; 4) эмоционально выраженная оценочная позиция автора.

Однако этими общими для прозаического и стихотворного фельетона чертами жанровое своеобразие последнего не исчерпывается.

Главной жанрообразующей чертой стихотворного фельетона является его стихотворная форма. Именно в стихотворном фельетоне появляется возможность соединить разные эмоциональные начала (сатира, ирония, лирика). Исследователи замечают, что лирическое построение ряда стихотворных фельетонов не только не мешает выявлению объективной сути отрицательного факта, но с еще большей рельефностью отражают ее в сатирических образах. И хотя фельетон, как отмечено выше, в целом отличается четко проявленная авторская позиция, в стихотворном фельетоне авторская мысль обладает эмоциональной выразительностью, краткостью, афористичностью. Уровень сатирической типизации при этом часто доводится до степени символа.

Вторым важным моментом является то, что большинство стихотворных фельетонов построено по принципу своеобразного «двойного обобщения». Автор стихотворного фельетона исходит не столько из конкретного факта, сколько из стоящей за этим фактом проблемы, и именно исходя из этой темы-проблемы он обрисовывает типическое явление жизни, привлекая «все виды нарушения внешнего правдоподобия» [6, с. 381—382].

Третьей чертой, вытекающей из предыдущих, является особая смысловая сконцентрированность стихотворного фельетона, его емкость, сатирическая нацеленность. Сравнительно небольшое стихотворное пространство, необходимость «двойного обобщения» диктуют обращение к таким художественным средствам, как гротеск, гипербола, оценочные, эмоционально окрашенные эпитеты и др. И если в сатирических произведениях иных жанров они используются наравне с другими, то здесь становятся ведущими.

С учетом этих отправных моментов открывается возможность определить вклад Саши Черного в развитие жанра стихотворного фельетона.

Ведущие темы стихотворных фельетонов Саши Черного — разоблачение самодержавно-бюрократической власти и вырождение буржуазной интеллигенции — обуславливают своеобразие их идейно-тематического содержания и деление на «лирические» и «эпические» (термины принадлежат А. С. Субботину,

использующему их применительно к фельетонам В. В. Маяковского). На правомерность такого деления указывают, в частности, названия, данные Сашей Черным своим сборникам: первая книга (1910 г.) — «Сатиры», вторая, вышедшая в 1911 г. [16, с. 172], — «Сатиры и лирика». Конечно, главным критерием здесь является «удельный вес» лирических произведений. Но лиризм как стилевое начало проникает и в ряд стихотворных фельетонов, бывших на первом этапе творчества чисто сатирическими.

Лучшие сатирические фельетоны Саши Черного увидели свет в период первой русской революции, когда политическая сатира развивалась необычайно плодотворно. Но начинал Саша Черный с «маленьких» фельетонов. Одним из них является фельетон «Мундирную честь заливают вином...», впервые появившийся в № 1 журнала «Молот» и вошедший в самый ранний сборник стихов «Разные мотивы» (1906). Как это часто бывает в «маленьких» фельетонах, ему предшествует эпиграф, взятый из газетной хроники. Факт, изложенный в нем, — убийство распоясавшимся военным в ресторане случайно толкнувшего его штатского, — подвергается фельетонной обработке. Ни одной из жанрообразующих черт стихотворного фельетона здесь нет. Обобщение факта, начальный элемент типизации еще не дают той «второй реальности», которая возникает в результате сатирического обобщения в стихотворном фельетоне. Нет здесь и явно выраженной авторской оценки.

К «маленькому» фельетону Саша Черный обращался на протяжении почти всего творчества. Написанные по разным поводам «К празднику»; «Приказ», «Странный обычай», «Экспромт», «Еще экспромт», «Четыре нравственных уroda...» и другие «маленькие фельетоны» откликаются на конкретные факты, дают оценку тем или иным общественным деятелям, организациям и глубиной обобщения не отличаются, ограничиваясь в основном комментированием фактов. Поэтому мы не относим эти произведения к разряду стихотворных фельетонов, считая их промежуточной формой между газетно-публицистическим фельетоном и фельетоном собственно литературным, в данном случае — стихотворным.

Помимо названных, Саша Черный создает по поводу конкретных фактов и «большие» фельетоны: «Пьяный» вопрос», «Все то же», «Веселая наглость», в том числе на международные темы («Не думайте, что Босния...», «Толчками турецкой военщины...», «К приезду французских гостей»).

Однако особый интерес вызывают прежде всего фельетоны, не опирающиеся на конкретный факт. Именно они обладают всеми признаками, характеризующими стихотворный фельетон вообще.

27 ноября 1905 г. в № 23 журнала «Зритель» появляется фельетон «Чепуха». Своей обличительной силой он произвел эффект разорвавшейся бомбы, номер журнала сразу был конфискован.

В фельетоне 15 строф, каждая посвящена конкретному лицу, стоящему у руля государственной власти. По форме фельетон является перепевом известной песенки «Чепуха-чепуха, это просто враки». Саша Черный мастерски использует этот прием. Достается от него и Трепову, и Дурново, и Витте, и царской семье. Но главное, на небольшом пространстве стихотворного фельетона критике подвергнуты не столько конкретные факты и лица, сколько основные направления внутренней политики самодержавно-бюрократической России. Прием «чепухи» позволяет создать как бы «вторую реальность» — особым образом типизированную картину состояния русского общества. Этот же прием позволяет как нельзя лучше раскрыться авторской позиции — иронии, доходящей до сарказма:

Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом [14, с. 420].

Витте родиной живет
И себя не любит.
Вся страна с надеждой ждет,
Кто ее погубит [14, с. 422].

Аналогично построен и другой фельетон с таким же названием, но тональность его иная. Усложнение общественной обстановки (это уже в 1906 г.) привело к тому, что Саше Черному — не до иронии.

От российской чепухи
Черепя слетают,
Грузди черные грехи
Кровью заливают... [14, с. 431].

Сарказмом окрашены строки:

Радость людям, радость псам —
Думу открывают!
Льются капли по усам,
В рот не попадают... [14, с. 432].

Два приведенных стихотворных фельетона, написанные в особом, свойственном одному Саше Черному стиле, по преимуществу сатирические, но содержат и элемент иронии.

В других стихотворных фельетонах Саши Черного сочетаются обличение и лирика. В одних из них — «Народ и провокатор», «Две думы», «Безвременье», «Кому живется весело?» — пародийно используются различные жанры и литературные образцы. Так, подзаголовок фельетона «Безвременье» — «Элегия», но в сущности элегия превращается в «антиэлегия». Саша Черный перечисляет всех «кандидатов» в сатирические произведения — Буренина, писателя Меньшикова, Столыпина, Пуришкевича, — и никто из них не подходит для сатиры «цензурной, новой и живой» [14, с. 439].

Другие фельетоны можно условно назвать «фельетонами сатирического портрета». Они полностью отвлечены от конкретных фактов, и фельетонист исходит из жгучей злободневной

проблемы. Здесь наблюдается то «двойное обобщение», о котором мы говорили, выделяя черты стихотворного фельетона. Автор отталкивается не от конкретного факта или события, а от того, что стоит за поступком, что стало уже общественным настроением. Эти фельетоны также разнообразны. Они разоблачают негативные социальные явления (портрет социального явления), политические партии, политических деятелей (сатирический портрет политического деятеля).

Тема фельетона «Герои нашего времени» — провокаторство как явление, порожденное общественным устройством России. Прообразом «героя времени» является Азеф, разоблаченный в 1908 г. как провокатор. В фельетоне «Песня о поле» Саша Черный рисует облик социального явления:

Проклятые вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе [14, с. 76].

Заметим, кстати, что само построение строфы, «прыгающий» ритм во многом способствуют комическому эффекту.

Живописен и объемён «портрет» Пошлости (в фельетоне «Пошлость»):

Лиловый лиф и желтый бант у бюста,
Безглазые глаза — как два пупка.
Чужие локоны к вискам прилипли густо
И маслянисто свесились бока [14, с. 78].

Но это — лишь внешние приметы Пошлости. Фельетон в целом посвящен обличению ее социальных корней. Используя только экспрессивные, оценочные слова, автор дает физиологически точный облик Пошлости. Опыт Саши Черного в построении таких «физиологических» портретов позднее использует В. Маяковский в «гимнах».

Сатирический портрет церковного деятеля дан в фельетоне «Пастырь добрый». Прототипом «пастыря» явился архиепископ Антоний Волинский, представитель реакционной части русского духовенства:

В каждом слове кровожадность,
Пресмыканье, фарисейство,
И смиренная «лампадность»,
И высокое лакейство [14, с. 437].

Немало строк Саша Черный посвятил разоблачению реакционных политических партий и организаций. Октябристы и черносотенцы, их лидеры часто встречаются на страницах его стихотворных фельетонов. В фельетоне «Октябристы» Саша Черный, используя излюбленный прием нанизывания оценочных эпитетов, физиологических деталей для политической характеристики, дает такой портрет:

Мало ль было двоедушных,
Теплых, ласковых, послушных,
С гуттаперчевой спиной,
Не отдавших в пользу ближних
Даже пары старых нижних
И сочащих сладкий гной?.. [14, с. 156].

Приведенные стихотворные фельетоны — по преимуществу, сатирические. Думается, что объединяющая их критика самодержавно-бюрократического строя и продиктовала Саше Черному приемы обработки материала.

Постепенно в творчестве Саши Черного начинает вызревать и другая тема — вырождение буржуазной интеллигенции.

К. И. Чуковский так характеризовал атмосферу предвоенных лет: «Я хорошо помню то мрачное время: 1908—1912 годы. Обычно, вспоминая его, говорят о правительственном терроре, о столыпинских виселицах, о разгуле черной сотни и т. д. Все это так. Но к этому нужно прибавить страшную болезнь, вроде чумы или оспы, которой заболели тогда тысячи русских людей. Болезнь называлась: опошление, загнивание души» [15, с. 7]. Наряду с политической реакцией была и реакция психическая, изменившая образ жизни и мыслей, идеалы большей части интеллигенции, тех, кого в 1906 г. «взметнуло кверху революционной волной» [15, с. 7], а теперь бросило в глубь обывательщины — к «мелким помыслам», «мелким страстям» [15, с. 7].

Связанная с наступлением реакции в стране, тема эта волновала многих писателей. Но у Саши Черного она разработана своеобразно. По-видимому, сам поэт, пусть лишь частичкой души, был похож на того интеллигента, которого разоблачал. Он «надел на себя самого маску ненавистного ему обывателя и стал чуть ли не каждое стихотворение писать от имени этой отвратительной маски» [15, с. 9]. Добавим, что цикл, в который вошла основная масса таких стихотворных фельетонов, автор объединил красноречивым заглавием «Всем нищим духом».

Первым в этом ряду был фельетон «Жалобы обывателя». В нем еще не обозначены те «приметы» опустившегося на дно жизни интеллигента, которые станут видны позднее: паразитический образ жизни, неумение и нежелание трудиться, отрыв от народных интересов и нужд, опошление достигнутого интеллигенцией прежних времен и т. п.

Вот один из портретов «современного интеллигента». (из фельетона «Размышление современного интеллигента»):

Засунув руки в брюки,
Гляжу во двор от скуки.
В мозгу мотив канкана,
В желудке газ нарзана [14, с. 446].

Другой портрет — в фельетоне «Интеллигент»:

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик [14, с. 90].

Нетрудно увидеть разницу между тональностью этих двух фельетонов: в первом «размышления» интеллигента окрашены в иронические тона, во втором отчетливо слышны лирические нотки — то, что Л. Евстигнеева назвала «интимнейшими жалобами сердца», звучащими «как элегии, как слова дневника» [4, с. 63].

Так и соседствуют у Саши Черного в этот период фельетоны, где он говорит от имени маски интеллигента-обывателя («Все в штанах, скроенных одинаково...», «Культурная работа»), и фельетоны, в которых к этой маске присоединяется его собственное «я» («Отъезд петербуржца», «Искатель», «Желтый дом», «Отбой»). Герой фельетона «Отъезд петербуржца», уезжая на лето из Петербурга, смотрится в зеркало:

Кожа облупилась, складочки и складки,
Из зрачков сочится скука многих лет.
Кто ты, худосочный, жиденький и гадкий?
Я?! О нет, не надо, ради бога, нет! [14, с. 82]

Прием «зеркала», который встречается и в других произведениях Саши Черного, помогает высветить внутренний облик героя. Наедине с зеркалом, выявившим «складочки и складки», петербуржец способен откровенно сказать о себе:

Был я богоборцем, был я мифотворцем...
Но сейчас мне ясно: только тошнотворцем,
Только тошнотворцем был я целый год... [14, с. 82]

Саша Черный «провожает» своего героя и, пожалуй, уже не только к нему, но и к себе самому относит последние строки:

В голове — надежды вспыхнувшего сердца,
В сердце — скептицизм усталой головы [14, с. 82].

Фельетон «Отъезд петербуржца» демонстрирует важную особенность всех фельетонов об «интеллигентах» — наличие в них множества бытовых деталей. Думается, нарочитое «обытовление» имеет двоякую цель: с одной стороны, это приближает их героев к читателю, делает узнаваемыми, а с другой — показывает, как тонут бывшие «культурные люди» в тине вещей, бытовых мелочей, предостерегая этим читателя. Один только перечень предметов обихода, удачно подобранный, уже несет в себе оценочное начало:

Злобно содрогаясь в спазме эстетизма,
Я иду к корзинке складывать багаж:
Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма,
Желтые ботинки, Брюсов и бандаж [14, с. 82].

К фельетонам об «интеллигенции» тематически примыкают фельетоны на литературную тему, традиционные для русской литературы. В них есть сатирические портреты, ярко очерченные социальные типы, только это рассматривается применительно к литературе. В стихотворных фельетонах «Стилизованный осел», «Переутомление», «Юмористическая артель», по сути, дан коллективный портрет «волдырей» «на сиденье прекрасной российской словесности» [14, с. 124], юмористов, спо-

собствовавших процветанию «утробного» смеха, благодаря которым само понятие юмора было опошлено.

В целом стихотворные фельетоны второй группы, разрабатывающие тему вырождения буржуазной интеллигенции, характеризуются большей отвлеченностью от факта, исходят из общественно значимой проблемы, в них переплетаются элементы сатиры, лирики, иронии. Внешне это выражается в особом образе оформленной (сатирическая маска и реальный автор) авторской позиции.

Стихотворным фельетонам Саши Черного свойственны сатирическая окрашенность, ориентация на общественно значимый факт или проблему, недвусмысленно выраженная авторская позиция. Лучшие образцы его стихотворных фельетонов всегда высоко художественны, публицистичны по своей сути.

Думается, что вклад Саши Черного в развитие стихотворного фельетона, как и в развитие сатиры в целом, своеобразии и новаторство этого поэта еще не оценены по достоинству и нуждаются в дальнейших исследованиях.

1. *Блинова Э. В.* Проблемы жанра и стиля публицистического фельетона. На материале фельетона на международные темы 20-х годов. Томск, 1972. 2. *Гликберг А. М.* Разные мотивы. Спб., 1906. 3. *Евстигнеева Л. А.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968. 4. *Евстигнеева Л. А.* Литературный путь Саши Черного // Саша Черный. Стихотворения. [Библиотека поэта. Большая серия]. Л., 1960. 4. *Ершов Л. Ф.* Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л., 1977. 6. *Журбина Е. И.* Теория и практика художественно-публицистических жанров: Очерк. Фельетон. М., 1969. 7. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1975. Т. 8. 8. *Кройчик Л. Е.* Современный газетный фельетон. Воронеж, 1975. 9. *Курляндская С. В.* Фельетон — жанр сатирический: По материалам советской литературы и критики 20-х годов. М., 1967. 10. *Озмитель Е. К.* Революционная сатира Октября. Фрунзе, 1966. 11. *Паперный З. С.* Смех Саши Черного // Новый мир. 1960. № 9. 12. *Перцов В. О.* Маяковский: Жизнь и творчество. М., 1976. Т. 1—3. 13. *Субботин А. С.* Маяковский: Сквозь призму жанра. М., 1986. 14. *Черный Саша.* Стихотворения. [Библиотека поэта. Большая серия]. Л., 1960. 15. *Чуковский К. И.* Саша Черный // Саша Черный. Стихотворения. [Библиотека поэта. Большая серия]. Л., 1960. 16. *Шнейдерман Э.* Новое о Саше Черном // Рус. лит. 1966. № 3.

Статья поступила в редколлегию 04.01.89

Р. М. Горюнова, доц.,
Симферопольский университет

Жанровый поиск М. Зощенко

(Повесть «Возвращенная молодость»
как переходное явление
в творческой эволюции писателя)

В обширном и разнообразном творческом наследии М. Зощенко наибольшую социально-историческую ценность представляют сатирические рассказы и повести 20-х годов и цикл научно-